

@Illumity

АД И ЕГО БУХГАЛТЕРИЯ

про любовь, высокие цели
и совсем чуть-чуть про то, что
из этого вытекает

Illumity

**Ад и его бухгалтерия. Про
любовь, высокие цели
и совсем чуть-чуть про
то, что из этого вытекает**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27344800
ISBN 9785448581274*

Аннотация

Роман. Даже не совсем роман – скорее повесть. Или даже не повесть. В общем, что-то точно не в стихах, зато о большой и чистой любви, вероломном предательстве, бескорыстной преданности и высокой цели. Основано на реальных постах в социальных сетях и нереальной фантазии автора. Тебе точно понравится! А чтобы затея с этим опусом не казалась совсем уж бессмысленной, часть денег, полученных от продажи, направится на реабилитацию детей, пострадавших в результате автомобильных аварий.

Содержание

Вместо предисловия	5
Сказочная история для создания нужного настроения	9
Короткое, но яркое путешествие в город, где сбываются чьи-то мечты	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ад и его бухгалтерия Про любовь, высокие цели и совсем чуть-чуть про то, что из этого вытекает

Illumity

Третий закон Кларка гласит: «Любая достаточно развитая технология неотличима от магии». Согласись, есть же что-то магическое в том, что ты сейчас это читаешь. В конце концов, я посвятил это именно тебе!

Фотограф Александр Лавров (Ананьев)

© Illumity, 2017

© Александр Лавров (Ананьев), фотографии, 2017

ISBN 978-5-4485-8127-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

Когда-то давно я обещал, что начну свою первую книгу со слов, опубликованных мной в популярной социальной сети. Неважно, что я имел в виду, написав тот пост. Скажу только, что для меня те мысли были действительно важными. Пообещал просто так. Не кому-то конкретному. Скорее, самому себе пообещал. Ну и заодно чтобы вопросы лишние не задавали. Ведь когда пишешь о чем-то важном, обязательно найдутся те, кто решит копнуть чуть глубже. А объяснять, уж поверь, мне тогда совсем не хотелось. И сейчас, кстати, тоже не хочется. Ни о какой книге, естественно, я тогда даже не думал, и, если уж быть до конца честным, я плохо представлял себе, о чем она вообще может быть – моя первая книга. Справедливости ради надо отметить, что и сейчас я слабо себе представляю, во что все это превратится – в рассказ на десяток страниц, повесть или полномесный роман с продолжением. Решать не мне, а тебе. Скажу даже больше – у меня до сих пор нет уверенности в том, что это вообще будет книга.

Я специально не стал редактировать и исправлять тот свой пост. Я отдаю его на твой суд таким, каким он был опубликован. Мне кажется, что в нем ты сможешь найти ответы на вопросы, которые обязательно появятся у тебя в дальнейшем.

«Теперь я знаю все. Ну, то есть уверен, что могу все знать. Есть, конечно, вещи, о которых я даже не подозреваю. Но я о них и не думал никогда. А вот все то, что занимало мой ум холодными зимними вечерами, теперь как на ладони. Как письма в конвертах, аккуратно сложенные на журнальном столике возле камина. Бери любое, открывай и читай. Только, знаете ли, не хочется. Все-таки не зря говорили умные предки: не надо путать веру и уверенность. Верить в то, что все возможно, намного приятнее, чем быть уверенным в том, что мечты так и останутся мечтами. Откроешь ты такое вот письмо, прочитаешь его неторопливо, вдумываясь в каждое написанное там слово, и будешь знать. Приобретешь уверенность. Или бросишь, не раскрывая, в камин. И будешь, как и раньше, – просто верить».

Ах да, чуть не забыл – название. Наверное, я поступил неправильно. Ведь настоящие писатели, как я себе это представляю, сначала пишут, а потом придумывают для написанного красивое название. Чтобы в нем и намек на сюжет обязательно был, и загадка какая-нибудь. Я ненастоящий писатель. И у меня, как ты понимаешь, такой возможности нет. Эту свою первую книгу (чем бы она в итоге ни стала) я сочиняю на ходу. Точнее даже, просто записываю то, о чем думаю. И книга моя с таким же успехом могла бы гордо называться «Прятки в паутине», «Очередь в Вальхаллу» или да-

же «Бамбуковый корсет». Так что в моем случае название – это просто способ привлечь твое внимание. Ну и в некотором роде жесткий спойлер финала. К сути названия я обязательно приду ближе к финалу. Может быть, даже в самых последних строчках. В конце концов, я автор – мне можно все! И да – в отличие от тебя я представления не имею, как будет развиваться сюжет, но уже сейчас знаю, чем все закончится :) Ну или мне просто хочется так думать.

И еще один важный момент. Помню, в юности, когда я только начал нелегкий путь своего высшего во всех отношениях образования, судьба занесла меня на больничную койку. Все, конечно, обошлось благополучно, иначе я этого сейчас не писал бы, но из того приключения, которое длилось почти две недели, я вынес два интересных урока. Первое, что я хочу тебе передать с высоты своего опыта, это важность шарфа и шапки – обязательно с помпоном, ведь ничто не делает человека таким добрым, как теплая вязаная шапка с помпоном. Да, в ней ты, скорее всего, выглядишь глупо, но поверь мне, еще более странно можно выглядеть в больничной палате, когда ходить тебе не разрешают, лежать надоело уже на второй день, а сидеть нет возможности ввиду специфичности лечения. Второе, что я тогда заметил, – это важность музыки в литературе. Звучит бредово. Если ты не против, я не буду это объяснять или приводить какие-то примеры из жизни. Опять же, мы с тобой взрослые люди, и у тебя

еще будет шанс понять, о чем я говорю. Просто в очередной раз доверься мне и сделай так, как я прошу. Прямо сейчас поставь тихонечко на повтор любую из своих любимых мелодий. Мне очень хочется, чтобы ближайшие несколько минут, которые ты, несомненно, потратишь на чтение моих откровений, были такими же легкими и простыми, как эта мелодия. Вот увидишь, тебе понравится!

Сказочная история для создания нужного настроения

Все сказки начинаются примерно одинаково. Жил-был, к примеру, Добрый Волшебник. Весь в белом. И все у него было хорошо. И всех он любил. И его все любили. Он разве что радугу не ел и бабочками не какал. И жил он обязательно в каком-нибудь уютном приземистом домике в утопающем в зелени лесу. И только яркое летнее солнце заставляло его хитро прищуривать мудрый глаз. И длилась эта идиллия ровно до тех пор, пока на горизонт не напоззали темные, как смола, тучи, не начинали угрожающе сверкать молнии и в отблеске этих молний не появлялся облаченный во все черное Злой Волшебник. Дальше история известная и старая как мир. Добро до последнего взывает к голосу разума, приводит убедительные доводы непротивления злу насилием, крутит пальцем у виска и встает на край бездонной пропасти. И только усилие воли и яркий, как майское солнце, внутренний свет помогают склонить весы в нужную сторону и одержать убедительную победу! Герой – рядом с Добрым Волшебником всегда есть какой-нибудь сносный герой – обязательно целует прекрасную принцессу, Добрый Волшебник лукаво улыбается, и по ним неспешно ползут титры. Все в таких историях отлично, за исключением одного – это всего

лишь эпизод из длинной и наверняка счастливой жизни Доброго Волшебника. Но ведь он тоже человек. И, вероятнее всего, случается так, что он встает не с той ноги, что бутерброд с докторской колбасой вызывает у него изжогу, что Добрая Волшебница ни с того ни с сего спускает на него собак, конь хромает, телега скрипит, соседи по лесу что-то сверлят целыми днями, батарейки в посохе садятся, ботинки жмут или совет старейшин зажимает манну за прошлый месяц. Или даже все сразу. И бабочки кончаются. И мудрый глаз начинает прищуриваться чуть по-другому. И он вроде все еще Добрый. И в белом весь. Но тучи начинают клубиться совсем не там, где их могли бы ждать. И воздух начинает потрескивать и искриться. Тут бы и подвернуться под руку Злому Волшебнику, да нет их больше. Перевелись. И огребают в итоге добра по самые помидоры все те, кто не успел отойти от приземистого домика в утопающем в зелени лесу на безопасное расстояние. Но это уже совсем другая сказка.

Случай, о котором я тебе сейчас расскажу, произошел не так давно для того, чтобы окружающие меня люди могли как следует о нем забыть, и в то же время я сильно удивлюсь, если за давностью лет о нем вообще хоть кто-нибудь вспомнит. История началась в конце теплого, но очень дождливого лета. Тогда один мой друг – для простоты понимания и во имя сохранения хоть какой-то эмоциональной связи с предыдущим абзацем назовем его Добрым Волшебни-

ком – влюбился как мальчишка в ангельского вида создание. В принцессу, не иначе! Создание не то чтобы отвечало ему взаимностью, но и твердого «нет» по заведенной у принцесс традиции не говорило. По такой же старой как мир мужской традиции друг мой решил, что это хоть и призрачный, но шанс, и подготовился к длительной осаде неприступной крепости. Он не нашел ничего лучше, чем распушить хвост и совершить полный набор ритуальных танцев, потрясая, как ему казалось, хрупкое женское воображение грандиозностью планов на будущее и нестандартностью подхода к вопросу обольщения слабого пола. Он надеялся, что ему повезет. Точнее так – он был уверен, что с ней ему обязательно повезет. В конце концов, он же Добрый Волшебник, а она – какая-никакая принцесса! С ней он всегда без проблем находил место на парковке, для нее он покупал билеты на хорошие места в кино или театр, бронировал столики в ресторанах в пятницу вечером, когда свободных столиков в хороших местах, казалось бы, уже не могло и быть, с ней он никогда и никуда не опаздывал, и даже если опаздывал, мероприятия каким-то невероятным образом начинались позже. Магия, короче.

Вот и тогда, в конце теплого, но дождливого лета, он ценной титанических усилий смог уговорить абсолютно незнакомых ему людей провести их на крышу старой высотки в центре Москвы. Именно с нее, как говорили знающие лю-

ди, открывался головокружительный вид на город, на изгибы реки и на закат. С поправкой на погоду, естественно. С погодой им тогда тоже повезло. Металл покато́й старой кровли нагрелся под скудным в конце лета дневным солнцем и, отдавая тепло, как мог согревал пару под натиском холодного, к тому времени уже почти осеннего ветра. Тучи, моросящие дождем, заботливо обходили их крышу стороной и лишь иногда намекали на то, что зонтик можно было бы взять с собой, а не самонадеянно оставлять в машине. Пара пила горячий чай из купленного по дороге термоса и обсуждала какой-то важный проект, за который ослепленный романтическими чувствами молодой человек отчаянно ухватился. На тот момент она была для него самым важным в жизни. Центром вселенной. Ему, как любому нормальному Доброму Волшебнику, хотелось верить, что и он для нее хоть что-нибудь значил. Влюбленный мужчина и женщина его мечты стали тогда свидетелями головокружительного по своей яркости заката. Если бы я сказал, что солнце закатывалось за горизонт в обрамлении пылающих багряным пламенем тяжелых свинцовых туч, превращая угловатую линию зданий в подобие горного хребта и заливая русло реки расплавленным металлом, я описал бы для тебя всего лишь жалкую карикатуру, написанную дрожащей рукой художника-дилетанта. Тогда впервые в жизни мой друг отчетливо понял, что ему ни с кем не хочется делиться этим днем. Момент должен был принадлежать только им двоим. Ну и, опять же,

фотография, сделанная, естественно, не столько на память, сколько ради красивого поста в социальных сетях, равно как и мои слова, даже близко не описала бы красоту момента. А момент ему хотелось прочувствовать полностью. С первой и до последней секунды. Понять всю грандиозность и мимолетность происходящего.

Другу моему тогда казалось, что он запомнил каждое мгновение. И лихорадочный поиск термоса. И горячий чай, купленный и заваренный в маленьком кафе у перекрестка. И встречу возле подъезда с тщательно подобранным букетиком цветов и гремящей как трамвай жестяной коробкой ее любимого печенья. И виртуозную, как канадский цирк, прогулку по скрипучим доскам пыльного чердака – в дра-
неньких кедах на нем и в не самых подходящих для таких прогулок, но чертовски красивых сверкающих лакированных туфельках на ней. И разговор. Абсолютно пустой в плане содержания, но невероятно душевный. И головокружительный закат. И плед, небрежно наброшенный на голые плечи. И путь с небес на землю в старом тесном лифте, больше похожем на движущуюся скрипучую клетку времен испанской инквизиции, предназначенную скорее для пытки попугаев, чем для перевозки людей. Неловкое молчание в этом лифте. И даже по-подростковому неуклюжее прощание со смущенными улыбками и поцелуем в щечку. Прежде чем уйти, легко и радостно, не оглядываясь, как только она умела это делать, принцесса как-то по-особенному сосредоточен-

но заглянула в глаза Доброго Волшебника и, непринужденно улыбнувшись, сказала, что если бы воспоминания об этом закате можно было купить, она купила бы их не задумываясь. Стоит ли говорить о том, что он еще тогда, в момент прощания, готов был отдать все на свете только за то, чтобы она запомнила этот вечер. И если бы душа у него действительно была и хоть чего-нибудь стоила – он заложил бы даже душу.

Они встречались еще полгода. Нечасто и по большей части по его инициативе. Он не терял надежду. Она вольно или невольно не давала надежде угасать.

Это были своего рода шахматы. Вроде бы все на виду. Вроде бы все все видят. Каждый играющий прекрасно понимает, к чему ведет следующий ход. И каждый ждет ошибки. Уступая. Поддаваясь. Жертвуя поля и фигуры. И все равно итог непредсказуем. Рано или поздно король окажется под ударом королевы. Такой важный. Так искусно вырезанный из слоновой кости неизвестным умельцем. Такой всемогущий. Такой беспощадный. И такой беззащитный. Рано или поздно он будет стоять в окружении хладнокровных пешек, мало чего понимающих в этой древней как сама жизнь игре и не пытающихся разобраться в причинах случившегося. И все его попытки укрыться окажутся банальным бегством от проблемы, раз за разом усугубляющим и без того невеселое его положение. Момент, когда его торжественно положат на бок поперек спланированной с математической точ-

ностью доски, будет необозримо далек, но уже тогда он начнет пописывать в свой шахматный черно-белый блог заметки о том, что мат в этой игре – это всего лишь вопрос времени. И стороны, которая на него решится.

В один из дней он решился. Просто не смог больше молчать и осознал, что жизнь без нее не имеет для него абсолютно никакого смысла.

– Ты же все понимаешь, – ответила она. – Ведь ты не слепой. Ты знаешь, что я не одна. Я влюблена. И я абсолютно счастлива.

– Я не слепой, – сказал он, стараясь как можно глубже заглянуть в ее бездонные бирюзовые глаза. – Я знаю. И я понимаю. Поверь, для меня нет ничего важнее того, чтобы ты была счастлива. Со мной или без меня. Чего бы мне это ни стоило. И как бы тяжело мне при этом ни было.

Это, наверное, так здорово – читать по глазам. Вот так взять, поднять взгляд, зафиксировать и все понять. Без слов. Слова – они, в сущности, ничего не значат. Даже если они односложные. Даже если они максимально конкретные. Слова – это эмоции, умноженные на здравый смысл и поделенные на прошлый опыт. Они обманут. А глаза – глаза не соврнут. Их можно закрыть. Можно отвести взгляд. Но даже тогда они скажут правду. А вот что делать потом с этой правдой – это уже второй вопрос.

Ты не представляешь себе, насколько это сложно – смот-

реть в глаза. Ты сейчас, конечно, скептически улыбнешься и скажешь, что только вчера утром этот фокус был провернут тобой миллион раз. Твоя правда. Вот только что было в тех глазах? Гнев, страсть, тоска, восхищение, презрение, наконец? Нет. Я готов спорить, что там не было даже банального безразличия. Это были просто мимолетные встречи. Как встречаются на ночной дороге фары двух машин. Нет, я серьезно – возьми и попробуй посмотреть кому-нибудь в глаза. Но обязательно так, чтобы заглянуть в душу. А еще лучше так, чтобы он или она могли заглянуть в твою. Это почти нереально. Это требует какого-то особого, я бы даже сказал, сакрального доверия. Что там секс?! Куда там общим кровавым тайнам! Для того чтобы по-настоящему осмелиться посмотреть кому-то в глаза, нужно, чтобы глаза эти искали твои глаза. А это безумно сложно. Это почти невозможно, как невозможны мир во всем мире или удачное признание в первой любви. А ведь, казалось бы, что может быть проще – встретиться взглядом и не отводить его чуть дольше, чем обычно...

Тогда он заглянул в ее глаза, как ему казалось, в последний раз в жизни. Ушел с головой. Почти утонул, не оставив себе шанса на еще один вдох. А потом он пропал. Резко. Оборвав все связи. Ходили слухи, что он нещадно пил. Кто-то говорил, что он бросил все и уехал куда-то на восток – то ли для того, чтобы постигать смысл бытия, то ли для то-

го, чтобы лишний раз не встречать уже однажды постигнутый. В реальности же он просто закрылся, как закрывается старый магазин на углу улицы какого-нибудь спального района – без объявления, просто сняв вывеску и заклеив витрины старыми газетами. Нельзя сказать, что он жил. Жить с постоянной жгучей болью в груди непросто. Он, скорее, существовал, привыкая к этой боли и сливая дни в сплошную, лишенную красок массу, которую многие по привычке или по недоразумению и считают жизнью. Полной противоположностью этого были его сны. Насыщенные. Цветные. Где он еще весел и свеж. Где она не отводит взгляд и улыбается, мило склонив голову к плечу. Где руки ощущают трепетное тепло. Где сердце бьется спокойно и ровно. Где стук сердца каким-то магическим образом разливается по темной комнате ритмичными ударами в закрытую когда-то дверь.

Короткое, но яркое путешествие в город, где сбываются чьи-то мечты

Воображение, если задуматься, очень мощная штука! Стоит увидеть где-нибудь слово «Париж», как подсознание тут же услужливо подсовывает образ Эйфелевой башни. А говорить о том, что творит в черепной коробке словосочетание «вечер в Париже», даже смысла нет! Там и массивные стальные конструкции символа французской столицы, окрашенные багряным закатом, и утопающее в зелени Марсово поле, и гудящие как улей Йенский мост через Сену на пару с набережной Бранли, и снующие по Сене кораблики, которые, несмотря на не погасший еще солнечный свет, начинают украшать себя мириадами фонарей, и даже неизвестно откуда льющаяся надрывная аккордеонная мелодия в комплекте с хриплым женским вокалом, затягивающим что-то о неразделенной любви и совсем неуместном к нарисованной нами картине падающем снеге. Хотя мы же с вами французского в подавляющем большинстве не знаем, поэтому полная бессмысленности ожидания фраза «Tombe la neige», написанная Сальваторе Адамо на клочке бумаги в далеком 1963 году, для нас просто приятный уху звук. Да и по Парижу гуляли далеко не все, так что откуда чего берется – непонятно!

Париж красив – с этим сложно спорить. Особенно если удастся застать тот уникальный миг на пороге зимнего солнцестояния, когда лениво всплывающее из-за остывшего за ночь горизонта солнце вычерчивает багряным пламенем стоящую вдалеке от Большого дворца на Елисейских полях Триумфальную арку. Немногочисленные машины еще не режут слух разноголосым утренним пробочным гвалтом, а прохожие, только что проснувшиеся или еще не успевшие уснуть, несут на лицах безумную ни к кому и ни к чему не обращенную улыбку.

Примерно таким было утро дня, когда на бульваре Капуцинок в Париже в роскошном зале Olympia Bruno Coquatrix, который легко узнать по огромному красному рекламному щиту на фасаде, творилось что-то невообразимое. На щите было написано только одно слово: DURAND. И одного этого было достаточно для того, чтобы две тысячи мест с учетом стульев, выставленных прямо в проходах удивленным администратором, были заняты. Могло бы сложиться ошибочное мнение, что на сцене в тот день выступала рок-звезда. Но были нюансы. В зале вместо экзальтированных фанатов присутствовала элита мира высоких технологий. Бизнесмены, инвесторы и жадные до новинок представители розничных сетей сидели вперемежку с журналистами, пригибаясь, чтобы не закрывать обзор для многочисленных телекамер, ко-

торым явно не хватало места. Фотовспышки освещали темный зал почти дневным светом. И все это море серьезных в обычной жизни людей держал в напряжении не музыкант, не актер и даже не политик. На сцене молча стоял Томер Дюран – человек, опередивший свое время. Еще год назад его имя никому ни о чем не говорило. Он выпрыгнул как черт из табакерки, ворвался на душные просторы тесного цифрового рынка как свежий ветер, перевернул с ног на голову само понятие инновационности и с ходу пообещал совершить невозможное. Правда, достоверности ради стоит заметить, что в этом мужчине средних лет с заметно седеющими висками было что-то от рок-звезды. Холодное спокойствие. Горящий взгляд. Растрепанная прическа. Дорогой, но неформально сидящий костюм. Ослабленный узел на ярком галстуке. Белоснежная улыбка. Широкие жесты. И голос. Поставленный. Уверенный. Властный. Его заявления взорвали информационные ленты и социальные сети задолго до этого момента. Его обещания не комментировал только ленивый. Скептики – как обычные люди, так и серьезные ученые – в один голос утверждали, что его предложения фантастичны, абсурдны и невозможны по определению. Верящие в него люди не сравнивали Томера Дюрана разве что с мессией.

В тот день Дюран вышел на одну из старейших сцен Франции для того, чтобы развеять все сомнения.

– Я обещал вам, что я изменю этот мир? – говорил он. –

Я обещал, что вместе со мной вы будете стоять на пороге величайшего открытия современности? Пристегните ремни, ибо будущее, о котором многие не могли даже мечтать, наступило! Я с огромным удовольствием представляю вашему вниманию... сентенциальный интерфейс – «Сейс»! Забудьте про текст! Не отправляйте друзьям фотографии! Делитесь эмоциями! Впечатлениями! Ваши друзья почувствуют то, что почувствовали вы сами!

Томер замолчал, давая пришедшим время осознать услышанное. Немного постоял, о чем-то задумавшись, развернулся, чтобы уйти, и уже почти сделал шаг за кулисы, но резко остановился и оборвал аплодисменты характерным жестом.

– И вот еще что... Под вашими креслами стоят черные коробки. В них вы найдете первые коммерческие образцы. Это подарок. Кроме того, Durand Company подарит каждому владельцу «Сейса» неограниченное место в нашем фирменном облачном сервисе для хранения впечатлений! Память останется с вами навечно!

Свет погас, и в абсолютной тишине над головами гостей началась голографическая презентация гаджета. Блестящий металлический обруч с овальными пластинами в районе висков и затылка связывался со всевозможными мобильными устройствами, мигал индикаторами и обрамлялся светящимися графиками, а густой мужской бас подробно рассказы-

вал о функциях новинки.

– Что думаешь, Кэтрин? – выйдя за кулисы, Томер обратился к своей ближайшей помощнице – почти заместителю по особенно щепетильным вопросам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.